ШХ: Я считаю, что в определённых видов историях, если ты заранее планируешь счастливый конец, это кажется таким фальшивым. У меня было несколько подобных историй, в которых я решила: Это не будет тем счастливым концом, которого люди захотят, но нам просто придётся с этим жить дальше. А потом появляется персонаж или что-то происходит, чтобы разрешить проблему и вырвать её из моих рук. Я считаю, что такого рода концовка может быть более реальной и удовлетворительной. Однако силой ты этого не достигнешь.СМ: Нет, Обычно концовок становится невозможно избежать из-за развития в истории. Ты ничего не можешь сделать после того, как она приведена в движение — события просто продолжают идти своим черёдом.Поначалу иногда я не замечаю, как что-то меняется. Это как… скажем, когда ты меняешь направление хотя бы на один градус, и ты оказываешься на совершенно другом континенте, даже если ты свернула совсем немного. Будут происходить такие вещи, которые изменят курс. Но к тому времени, когда ты дойдёшь до концовки, больше нет… больше нет возможности для изменений.Так что концовки для меня всегда неизбежны. Ты доходишь до точки, где нет иного пути, по которому она может пойти. Если бы я попыталась сделать что-то по-другому, я считаю, это бы чувствовалась, в самом деле, неестественно. Но я редко пытаюсь. [Смеется] Это как: давай просто позволим этому быть так, как оно есть. Вот так гласит история.

ШХ: Теперь, на счёт Новолуния, был путь, по которому всё могло закончиться совсем иначе. И то, что изменило ход этих событий, было случайностью.СМ: Это была не совсем случайность — имеешь ли ты в виду порез из-за бумаги или прыжок с обрыва или что-то ещё. Поскольку персонажи такие, какие они есть, это только вопрос времени, когда у Беллы произойдёт кровотечение рядом с Джаспером, а затем исход неизбежен. Это только вопрос времени, когда Белла найдёт способ выразить свою потребность в адреналине таким образом, что почти убьёт её, и вполне хорошие шансы, что Джейкоб окажется где-то поблизости с Беллой в это время, затмевая видения Элис.

Это усложняется потому что, как автор, я вижу перспективу от первого лица с точки зрения более чем одной персоны. Я начала писать от имени Беллы в самом начале, но есть несколько голосов, которые являются для меня перспективой с точки зрения первого лица, пока я пишу. Так что я знаю всё, что происходит с этими людьми. Иногда мне трудно писать только с точки зрения Беллы, потому что Белла может знать только определённые вещи. И большая часть этой истории была для меня с точки зрения Эдварда как от первого лица.Я знала, что это будет проблемой, если Эдвард уйдёт. [Смеется] Я имею в виду, даже когда Сумерки ещё не вышли, на том этапе, я уже была достаточно хорошо осведомлена, что это не тот способ, которым ты можешь писать романы. Ты не забираешь главного героя — ты не забираешь парня. [ШХ смеется] Но из-за того, кем он является, ему пришлось уйти — и из-за слабости, которая у него имеется, он должен был вернуться. Это была его сила, которая заставила его уйти, и это была его слабость, которая вернула его обратно. Это было поражение, в некотором смысле, для него — но в то же время это был триумф, которого он не ожидал. Потому что он не видел, что в конце он придёт к тому, к чему пришёл.Он такой пессимист — о боже мой, Эдвард пессимист. И одной из самых забавных вещей в Ломая Рассвете для меня была работать над этим с ним, пока он, наконец, не стал оптимистом. Это одно из самых больших изменений в Ломая Рассвете то, что Эдвард становится оптимистом. Так много всего сложилось в его пользу, что он больше не может отрицать тот факт, что с ним произойдёт что-то хорошее в его жизни.

[Смеется]Так что для меня Новолуние было всё о том, что должен был сделать Эдвард, чтобы иметь возможность называть себя мужчиной. Если бы он не попытался спасти Беллу, уехав, то он не был бы хорошей личностью, по его собственной оценке. Он должен был хотя бы попытаться.И это было, в самом деле, трудно писать, потому что мне пришлось всё это пережить. О боже — это было удручающе! Мне нравилось много слушать Марджори Фэйр. [Смеется] Но я смогла сделать некоторые вещи, как писательница, которыми я правда могла гордиться, что, по моему мнению, были намного лучше, чем то, что я сделала в Сумерках. Я смогла исследовать некоторые вещи, которые казались мне действительно реальными, хотя я никогда не оказывалась в положении Беллы. Это не чувствовалось словно сочувствие, это было сопереживание. Будто я действительно была там, будто я действительно была ею. И это был интересный опыт… но трудный. Это в самом деле занимает большую часть книги, и это непросто. Мне приятно, что для некоторых людей — для меньшинства — Новолуние их самая любимая книга.

ШХ: У меня есть такая книга — Огненная Энна — которая была моей наименее популярной книгой во всём мире. Но есть основные люди, для которых это их любимая. И это чрезвычайно приятно, потому что для меня тоже эта книга была трудной в написании. Это мрачная книга, и я так много вложила в неё. Я очень горжусь этой книгой. Но обнаружив, что она так много значит для кого-то ещё, кроме меня, я чувствую себя не такой одинокой, как писательница.СМ: Как писательница, я не думаю, что ты всегда осознаешь, как одиноко себя чувствуешь, словно ты в этом мире совсем одна. Вот почему ты в конечном итоге делишься своей истории, потому что есть люди, которые её поймут.

http://tl.rulate.ru/book/52023/1476609